

БАЛАКАЙ А. А. «ПИСЬМЕННАЯ ПАМЯТЬ» РУССКОГО СЕВЕРА В ТВОРЧЕСТВЕ Б. В. ШЕРГИНА // **Притяжение Севера:** язык, литература, социум: материалы Международной научно-практической конференции / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – электрон. дан. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2018. – С. 27 - 33

СЕВЕРНЫЙ ТЕКСТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 821.161.1

Анна Анатольевна Балакай

*к. филол. н., доцент кафедры педагогических технологий и психологии развития ребенка
Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета
(Новокузнецк, пр. Металлургов, 19, Российская Федерация)*

«ПИСЬМЕННАЯ ПАМЯТЬ» РУССКОГО СЕВЕРА В ТВОРЧЕСТВЕ Б. В. ШЕРГИНА

Аннотация: Статья посвящена истории Русского Севера, запечатленной мастером художественного слова – писателем Б. В. Шергиным. Произведения Б. В. Шергина интересны современному читателю как национально-культурный феномен, имеющий огромную художественную, культурную, историческую и воспитательную ценность.

Ключевые слова: Русский Север, история Российского государства, поморы, творчество Б. В. Шергина.

Русский Север – это край сильных и мужественных людей, рыбаков-поморов, охотников, промысловиков, лесорубов, плотников, ремесленников и поэтов.

Лавина татаро-монгольского нашествия, обрушившаяся на Русь, обошла Север. Конница Чингисхана и Батыя не топтала эти земли, здесь не угасал огонь русской государственности и национальной культуры. Здесь никогда не было крепостного права в его законченной форме. Крестьяне платили многочисленные подати, несли тяжёлые «казённые» повинности, но барщины здесь не было. Русский Север сохранил в людях дух вольнолюбия, сознание своей независимости, утвердившийся ещё с тех времен, когда эти земли входили в состав новгородского княжества.

Красоту природы, поэзию труда и живую колоритную речь жителей Русского Севера донесли до наших времён народные песни, сказания, былины и, конечно же, сами мастера, сказители, песенники и русские писатели, хранители «отцова знания», среди которых почётное место по праву принадлежит замечательному русскому писателю Борису Викторовичу Шергину.

Литературные критики при упоминании имени Шергина неизменно отмечают народность и прекрасный колоритный язык его произведений. Однако произведения Б. В. Шергина представляют значительный интерес не только и не столько как факт истории русской литературы 1930-70-х годов, но прежде всего как национально-культурный феномен, имеющий огромную художественную, культурную, историческую и воспитательную ценность. Нет ни малейшего сомнения в том, что рассказы, сказки и былины Шергина, проникнутые любовью к суровому и прекрасному Русскому Северу, способны и сегодня, подобно семенам, упавшим на очерствевшую почву души, взрыхлить, смягчить её и дать добрые всходы.

Тема родины – главная тема, проходящая лейтмотивом через всё творчество Б. В. Шергина.

Поморское сказание о Софии Новгородской начинается так: «По слову Великого Новгорода шли промышленные лодьи во все концы Студеного моря-океана. Лодьи Гостева сына Ивана ушли дальше всех. Иван оследил Нехоженный берег. Тут поставил крест, избу и амбар. Тут, кряду и ход урочный морской...» (Б. В. Шергин. Запечатленная слава) [8, 57].

Когда русские впервые появились на берегах Белого моря – точно сказать нельзя. Историк С. Ф. Платонов полагает, что это было в начале XII века, так как в одной новгородской грамоте, относящейся к 1137 году, упоминаются местности, недалеко отстоящие от Холмогор [См. подробнее: 5]. Имеется вполне достоверное письменное свидетельство о том, что жители Терского берега Кольского полуострова были данниками новгородцев уже в начале XIII века.

«Устное слово и письменная память Севера, – пишет Б. В. Шергин в очерке «Запечатленная слава», – свидетельствуют, что уже в XII-XV веках русские люди своим умом-разумом строили суда «сообразно натуре моря Ледовитого». На этих судах из Белого моря ходили на Новую Землю, на Грумант, в Скандинавию. Уже в XIII веке по берегам и островам Северного Ледовитого океана стояли русские опознавательные знаки – исполинские осьмиконечные кресты. Поперечины креста астрономически верно указывали направления стран света» [8, 57].

Таким образом, за наиболее вероятное время появления русских в Беломорье можно принять XII – начало XIII века.

Главный импульс, толкавший новгородцев на далёкий Север до самых берегов «Студёного моря», состоял в поисках товаров для новгородского рынка, достигшего значительного развития.

Постепенно новгородцы стали крепко оседать в Северном крае. Огромное значение в укреплении русских в Беломорье имели монастыри: Соловецкий монастырь, основанный в 1435 году, монастырь в Печенеге, на западном Мурмане, построенный в 1530–40 гг., и другие.

Особенно оживилась торговля и хозяйственная деятельность Севера в XVIII веке, когда вслед за купцами на Олонецкие и Архангельские земли потянулись промышленники. Пушнину, рыбу, соль, смолу, мёд и многие другие товары традиционного русского экспорта поставляли главным образом северные края.

В бурную эпоху Петра I здесь возникли металлургические и оружейные заводы, судостроительные верфи и каменоломни, расширились местные промыслы. Российскому государству, выходявшему на широкую европейскую арену, требовались корабли, пушки,

лес и железо. Но не меньше требовались сильные умелые и сметливые мастеровые люди, какими так богат был Север.

Не безмятежной провинциальной идиллией была история Русского Севера. На протяжении веков Север служил форпостом России против иноземных захватчиков, ареной длительной и упорной борьбы за морские рубежи страны.

От Соловков и Архангельска до Костромы и Вологды тянулась сплошная цепь городов-острогов, городов-крепостей, укрепленных посадов. Сторожевые башни и крепостные стены стали такой же неотъемлемой частью северного пейзажа, как леса и озёра, реки и валуны. Крепостные сооружения – символы спокойствия и безопасности – были для северян исполнены глубочайшего смысла и оказывали воздействие на их художественные вкусы и идеалы.

В конце XIX – начале XX веков на Север проникают экономические преобразования, технический прогресс. Через леса и болота прокладывается к Белому морю железная дорога, на смену деревянному парусному флоту идут железные машины, и неукротимое Океан-море, к которому человек сотни лет приравнивался, уже как будто теряет свою грозную власть.

Скудеют и исчезают за невостребованностью многие ремёсла и промыслы, на которых веками держался человек и общинный уклад, распадаются бывшие экономические и общественные связи.

Материальная жизнь, домашний, семейный уклад оказываются беззащитными перед наступлением нового промышленно-технического века, но душа, воспитанная на вековых традициях миропонимания, окрылённая поэзией, всё ещё ищет былой гармонии с природой, не желая покоряться экономическому расчёту.

Народная память тоскует о слишком явных и невозполнимых утратах и несёт эту тихую, глубокую печаль («веселье сердечное») в идеализированных образах прошлого, помогающих выжить под непосильным грузом «революции», «коллективизации», «индустриализации», «Соловецких лагерей особого назначения», «Беломорканала» и прочих «осударевых дорог».

На закате дней своих Б. В. Шергин вспоминал о родном Севере:

«Малые корабли строились без единого гвоздя. Они были шиты корнями березы или вереска и были очень крепки. Тишина, белые ночи, когда что полдень, что полночь. Безмолвие. Паруса ветерок надувает, и судно тихонько бежит вдоль берега... А дни, как гуси, пролетают» [цит. по: 4, 284].

«Но Север, – замечает земляк Б. Шергина писатель Ф. Абрамов, – не сказка, не Беловодье, не та обетованная земля, о которой веками мечтало крестьянство. Север – это тощие, худородные подзолы и супеси, с которых в зяблый год не соберёшь даже семян.

Север – это бесконечная зима с непролазными снегами и лютыми морозами. Север – это штормы и бури Студёного моря. И потому Север – это работа, работа и работа» [1, 5].

Основными занятиями на Севере были охота, рыболовство и промысел морского зверя. Поморы – исконные «мореходцы» – хорошо знали морские пути, имели самые верные лоции, на весь Север славились своими кораблестронтелями лоцманами («вожами») и шкиперами («кормщиками»), издавна вели торговлю с заморскими странами: Норвегией, Швецией, Данией, Германией, Англией. Б. В. Шергин писал: *«В нашей стране – вода начало, и вода конец. Воды рождают, и воды погребают. Море поит и кормит... А с морем кто светен? Не по земле ходим, но по глубине морской. И общая судьба всем»* (Б. В. Шергин. *Двинская земля*) [8, 20].

Богатые луга способствовали скотоводству, разведению крупного рогатого скота. *«Обильна Двинская страна! Богата рыбой и зверем, и скотом, и лесом умножена»* [8, 22].

Занимались северяне и земледелием, но нередко случалось, что морозы уничтожали посевы. Поэтому сеяли преимущественно морозоустойчивые сельскохозяйственные культуры – ячмень и рожь.

Хорошо были развиты на Севере и лесные промыслы: рубка леса, пила дров, заготовление угля, изготовление деревянной посуды.

Огромное значение имели предприятия по добыче соли. Соль широко использовалась в хозяйстве, а также вывозилась за море. Добыча соли была очень тяжёлым, изнурительным трудом, так как работа велась преимущественно вручную.

И всё же важнейшими являлись рыбные и звериные промыслы.

Навагу, сельдь, камбалу, щуку, налима и другую рыбу северяне ловили в реках и озёрах. На добычу более крупной рыбы и морского зверя отправлялись на Белое море и в низовье реки Мезени. К таким походам тщательно готовились, продумывали всё до мелочей – ведь уходили в море, как правило, надолго, случалось и зимовать вдали от родного дома по несколько месяцев в условиях полярной ночи.

Чтобы выдерживать суровые испытания, нужно было обладать великим духом, могучей силой и выносливостью, иметь острый ум и смекалку, крепкий поморский характер. Но главное – помнить опыт отцов и дедов.

*Как-то [на промысле в ожидании прихода корабля – А.Б.] спросил я:
– Староста, почто ты с лодьи книги снёс – Четьи-Миней. Зимние месяцы?
Он бороду погладил.
– Вдруг да кому, баюнок, на Новой Земле зимовать доведется... Они нам за книги спасибо скажут.
– Староста, дадь небесная над морем побелела. Это от снегов?
– Нет, дитя, от льдины... – И ласково так и печально поглядел мне в глаза. – А ты ладь гусли-ти. Ежели не на корабле, дак на песне твоей поведем.*

Ночевали мы в избушке за горой. В пятую неделю ожидания на заре пошёл я к морю глядеть корабля. Иду и чувствую, что холодно, что ветер не вчерашний. Шапчонку сорвал, щеку подставил, а ветер-то норд-ост, полуночник... Ноги будто подрезал кто-то, присел даже. Однако усилился, вылез на глядень. И море увидел: белое такое... Лёд, сколько глазом достать, – всё лёд. Льдины – что гробы белые. И лезут они на берег, и стонут, и гремят. ... Воротился, сказываю. Только ахнули: месяц ждавши, с тоски порвались, а каково будет девять месяцев ждать!

Помолились мы крепко, с рыданием, и зазимовали. Староста говорит:

– Не тужи, ребята! Ни радость вечна, ни печаль бесконечна. Давайте избу на зиму налаживать.

Собрали по берегам остатки разбитых кораблей. Избу заштопали-зашили. Тут и снегом нас завалило до трубы. Сутки отгребались.

... Староста научил по созвездьям время читать, часы узнавать. В избе на матице календарь на год нарезали: кресты, кружки, рубежи – праздник, будни, посты. Вместо свечи жирник горел денно-нощно. ...

Староста дышит мне: «Пуще всего, чтобы люди в скуку не упали. Всякими манами ихние мысли уводи».

С утра мужики шить сядут, приказывают мне:

– Пост теперь, книгу читай. Да чтобы страх был!

Слушают, вздыхают... (Б. В. Шергин. Новая Земля) [8, 76].

Под стать мужественным поморам были и поморские женщины, смело глядевшие в глаза всякой опасности. Когда мужчины были на промыслах или задерживались в плаванье, делали сами мужскую работу. Случалось, выходили на лодьях в море, ставили корабли на зиму в гавань. Помор Матвей Иванович Корельский рассказывал:

«Я на Мурмане, жена дома сельдь промышляет, сети вяжет, прядёт, ткёт, косит, грибы, ягоды носит. Матрёша моя и мужскую работу могла. Тёс тесала, ёзы была, кирпичи работала...» (Б. В. Шергин. Матвеева радость) [8, 214].

Однако при всей своей непомерной тяжести и суровости мужской и женский труд поморов всегда был одухотворён красотой и поэзией. Север славился не только кораблестроителями и мореходцами, но и мастерами резьбы по дереву и кости, художниками, ткачами, вышивальщицами. В каждом селе находились мастера, возводившие свое ремесло до состояния «художества».

Русский Север – это грандиозный, единственный в своём роде заповедник народного деревянного зодчества.

Гоголь в своё время писал: «Архитектура – та же летопись. Она говорит миру, когда уже молчат и песни и предания».

Богато и разнообразно народное зодчество, но в нём есть свои устойчивые образы.

Исследователи отмечают, что народное искусство нельзя уподоблять быстро летящему коню бурного и несдержанного индивидуального творчества. Народное искусство вернее сравнивать с медленным плотом на могучей реке, преодолевающим постепенно

тысячевёрстные пространства. При вечном неторопливом движении уходило на дно всё лишнее, временное, наносное. Оставалось лишь насущно необходимое [6].

Е. И. Осетров в книге «Живая Древняя Русь» пишет: «Очень интересны крестьянские избы и амбары. Перенесёмся мысленно на берега Северной Двины. Дом, поставленный здесь помором, напоминает неприступную крепость. Он двухэтажный, окна – их пять или шесть – прорублены высоко над землёй. К строению примыкают сени, сарай, кладовая, составляющие с домом одно целое. Снаружи стены не принято обшивать досками. Во многих домах – три-четыре горницы. Словом, северная изба производит впечатление вековой прочности, она олицетворяет победу сильного, мужественного человека над суровой природой. Гордый и сильный северянин не жалел брёвен на постройку и возводил не подслеповатую избёнку, а крепость, в которой не страшны ни полярная ночь, ни хищный зверь, ни лихой человек. «Всего дороже, – говорилось в народе, – честь сытая да изба крытая» [7].

Вот как описывает Б. В. Шергин в очерке «Двинская земля» улицы Архангельска конца XIX – первой трети XX вв.:

«Улицы в Архангельском городе широки, долги и прямы. На берегу и у торгового звена много каменного строения, а по улицам и по концам город весь бревенчатый. У нас не любят жить в камне. В сосновом доме воздух лёгкий и вольный. Строят в два этажа, с вышками, в три, в пять, в семь, в девять окон по фасаду. Дома ещё недавно пестро расписывали красками – зеленью, ультрамарином, белилами.

Многие улицы вымощены брёвнами, а возле домов оббегают по всему городу из конца в конец тесовые широкие мостки для пешей ходьбы. По этим мосточкам век бы бежал. Старым ногам спокойно, молодым – весело и резво. Шаг по асфальту и камню отдаётся в нашем теле, а ступанье по доскам расходится по дереву, оттого никогда не устают ноги по деревянным нашим мосточкам. <...>

Брёвна на стройку [домов] берут толсты, долги, и плотники – первый сорт. Дом построят – как колечко сольют...» [8, 25].

Героический образный строй укоренился в народном деревянном зодчестве и стал одним из его самых типических и ярких особенностей. Недаром силуэты величественных деревянных храмов и звонниц, возвышающихся где-нибудь в Кемь или Коле, Кондоге или Кулиге Драковановой, невольно вызывают в памяти образы былинных богатырей, стоящих в неусыпном дозоре вдоль границы Древней Руси.

О чём бы ни писал Б. В. Шергин, о суровой красоте Русского Севера, о морских промыслах, постройке корабля или об изготовлении деревянного блюда, главной фигурой, постоянным предметом его внимания, размышления остаётся русский человек, его характер, духовный мир, высокие нравственные качества. Народ-труженик, народ-художник, мастер и ученики, отцы и дети, воспитание души, значение родины и родного языка, человек и природа, любовь и семья, невежество и учёность, мастерство и ремесла, смекалка и хитрость,

шутка и печаль, отношение к иноземному, наука выживания в суровых условиях, честь и достоинство, подлинные, непреходящие и мнимые ценности, – вот далеко не полный перечень вопросов, к которым было обращено внимание писателя в разные годы жизни.

Как показывают научные и критические публикации, посвящённые Шергину, художественные и мемуарные произведения писателя сегодня, когда происходит возрождение интереса к русской национальной истории и культуре, становятся особенно актуальными. Они представляют очевидный интерес уже не только для любителей русской литературы и русской старины, но и для учёных: историков, этнографов, литературоведов, лингвистов, культурологов, фольклористов. Интерес этот выходит за границы отечественной науки, о чём свидетельствуют публикации в зарубежной печати [см.: 2; 3 и др.].

Список литературы

1. Абрамов, Ф. А. О Севере / Ф. А. Абрамов // Поморская слава. – Москва : Архангельск, 1984. – С. 5.
2. Бьеркенг, М. Грумант-медведь. Тексты Бориса В. Шергина о жизни поморов-промышленников на Свальбарде [Электронный ресурс] / Марит Бьеркенг // Poljarnej Vestnik. Reports from Troms / University Department of Russian. (Norway). – 1998. – № 1. – URL: <https://septentrio.uit.no/index.php/vestnik/article/view/1433>. – (Дата обращения 10.10.2018).
3. Бьеркенг, М. «А мне родина моя какой кажется прекрасной». Борис Викторович Шергин – сказитель Русского Севера / Марит Бьеркенг // Life and Text. Essays in Honour of Geir Rjetsaa on the Occasion of his 60th Birthday. Oslo 1997 (= Meddelelser 79).
4. Коваль, Ю. И. Веселье сердечное (воспоминания о Б. В. Шергине) / Ю. И. Коваль // Опасайтесь лысых и усатых. – Москва : Книжная палата, 1993. – 310 с.
5. Никитин, А. Л. Возвращение к Северу / А. Л. Никитин. – Москва : Мысль, 1979. – 239 с.
6. Ополовников, А. В. Русский Север / А. В. Ополовников. – Москва : Стройиздат, 1977. – 254 с.
7. Осетров, Е. И. Живая Древняя Русь: кн. для учащихся / Е. И. Осетров. – Москва : Просвещение, 1985. – 304 с.
8. Шергин, Б. В. Изящные мастера / Б. В. Шергин. – Москва : Молодая гвардия, 1989. – 430 с.